

Александр Арсаньев

Второе дело Карозиных

Катенька Карозина

Александр Арсаньев

Второе дело Карозиных

«Научная книга»

Арсаньев А.

Второе дело Карозиных / А. Арсаньев — «Научная книга»,
— (Катенька Карозина)

Содержание

ВМЕСТО ПРОЛОГА	5
ГЛАВА ПЕРВАЯ	7
ГЛАВА ВТОРАЯ	14
ГЛАВА ТРЕТЬЯ	22
ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ	29
Конец ознакомительного фрагмента.	31

Александр Арсаньев

Второе дело Карозиных

ВМЕСТО ПРОЛОГА

В доме профессора алгебры, надворного советника Никиты Сергеевича Карозина, впрочем, как и по всей Москве, да что там – по всей России, готовились к таким всегда долгожданым зимним праздникам – Рождеству, Святкам, встрече нового 1883 года. Сам хозяин скромного белокаменного особняка в Брюсовском переулке не сказать, чтобы слишком увлекался приготовлениями, считая, что все хлопоты по устройению праздников следует оставить на долю супруги, однако и у него внутри приятно обмирало при мысли, что занятия в университете, где он читал курс лекций, на время будут отменены и можно будет со спокойной душой повеселиться, посетить театр и многочисленных друзей.

Никита Сергеевич, возвращаясь сейчас из университета домой, к обеду, где должна была уже ждать его супруга, ехал в собственных санях, надвинув поглубже кунью шапку и подняв бобровый воротник своего пальто, и мягко улыбался в усы, поглядывая на встречающих барышень. Последний год финансовые дела Карозина заметно улучшились, что позволило приобрести наконец собственный выезд, да и дом заново обставить. Но больше всего Никиту Сергеевича радовало, что теперь он сможет куда больше баловать свою супругу – Катеньку, на которой женился вот уже почти четыре года назад, а все кажется, будто только вчера.

Вспомнив ладную статную Катину фигуру, ее длинные пшеничные косы, молочной белизны кожу, ее тонкие руки и нежную улыбку, озорной блеск больших зеленых глаз, Карозин улыбнулся чуть шире и счастливо вздохнул. Без сомнения, ему очень повезло с женой. Поравнявшись со Страстным монастырем, напротив Тверского бульвара, Карозин снял шапку и перекрестился, затем усмехнулся про себя, вспомнив евангельское: «Неверный муж верною женою освящается». Да, если бы не набожность Кати... раньше-то, бывало...

Впрочем, Карозин не стал утруждать себя воспоминаниями о том, что было до появления в его жизни Катерины Дмитриевны Бекетовой – сани свернули в Брюсовский переулок и, оставив позади большой дом купцов Андреевых, уже в ранних зимних сумерках остановились у крыльца белого двухэтажного особняка, выстроенного в классическом стиле.

– Можешь распрягать, – сказал Никита Сергеевич своему кучеру. – Сегодня больше никуда не едем, – добавил он не без удовольствия, предвкушая обед и вечер в обществе Катеньки.

Поднявшись по ступенькам, он скинул пальто на руки лакея, встретившего его в дверях, и поинтересовался, дома ли жена.

– Никак нет-с, – ответил Ефим, виновато глянув на Карозина.

– Где же она? – Никита Сергеевич недовольно сдвинул свои густые брови. «Неужели снова впуталась в какую-то историю?!» – пронеслась невольная мысль. – Ну, что молчишь?

– К портнихе поехали, – ответил Ефим.

– Ясно, – Карозин тяжело вздохнул от непонятного предчувствия. – Обед готов?

– Готов. Прикажете подавать?

Карозин глянул на свои часы-брегет и ответил:

– Подождем хозяйку, – а сам поднялся по широкой пологой лестнице, устланной красным ковром, в свою спальню.

Чтобы Катя опаздывала к обеду, то есть к пяти часам пополудни, это было невиданное дело, и поэтому профессор волновался. Пятнадцать минут томительного ожидания показались ему чуть ли не часами – он слонялся из угла в угол сначала в своей спальне, затем вошел в

спальню жены, не желая только показываться на глаза прислуге, чтобы не допускать никаких толков. «Собственно, ну что здесь такого, – уговаривал он себя, осматривая улицу из окна Катиной спальни, – в конце концов, она могла встретить кого-то у m-me Roshe... Она могла задержаться с примеркой, верно, к Рождеству там сейчас пол-Москвы шьют... Она...»

Но нет, ничего не помогало и профессору стоило большого труда оставаться в комнате. Подозрение, что его горячо любимая жена снова окажется втянутой в какую-нибудь нехорошую историю, как во всех этих романах, которые Катя с таким упоением читала, несмотря на неудовольствие мужа, не покидало профессора. «Ну теперь-то уж я буду ни при чем! – говорил он сам себе, оправдываясь, видимо, за то, что сам „втянул“ Катю в такую историю. – Теперь-то уж я постараюсь пресечь все эти фантазии!» – и распалялся все больше и больше.

Наконец, он рассердился на себя и на жену решительно, и спустился вниз, в кабинет, собираясь заняться просмотром кое-каких бумаг, только бы не думать, отчего это Катя так опаздывает. Едва он вошел в свой кабинет, как услышал взволнованный Катенькин голос, интересующийся, где он.

Карозин повернулся к дверям, намереваясь строго спросить ее про задержку, но когда уже в следующее мгновение на пороге кабинета возникла раздумавшаяся от мороза Катенька, одного ее взгляда на мужа было достаточно, чтобы Никита Сергеевич тотчас забыл все свои намерения, восхищенно глядя на жену и осознавая только, как сильно она ему дорога.

– Никитушка, прости... – начала Катерина Дмитриевна, подходя к нему с ласковым взглядом, видимо, делая над собой усилие, чтобы выглядеть спокойно.

– Отчего ты так задержалась, ангел мой? – спросил ее профессор мягко и встревоженно.

– Никитушка, – с улыбкой проигнорировала жена его вопрос, теперь уже не сдерживая своего волнения, – я узнала об одном весьма странном и загадочном происшествии! Мы с тобой непременно должны в нем разобраться!

– Катенька! – простонал бедный профессор, прикрывая лицо ладонью...

ГЛАВА ПЕРВАЯ

– Нет, ничего не говори, – попросил профессор жену. – Мы просто ни в чем не станем разбираться, – решительно заявил он. – Не ты, не я. – Карозин сел за стол и демонстративно уткнулся в бумаги, всем своим видом показывая, что не желает вообще говорить на эту тему.

– Но, Никита! – возразила жена, проявляя свойственное ей по временам упорство. – Почему же ты даже не желаешь выслушать меня? Кому, как ни тебе, я могу все это рассказать? – Катерина Дмитриевна села напротив своего мужа и доверчиво посмотрела ему в лицо.

– И слышать ничего не хочу, – с той же твердостью заявил Карозин. – Катя, как ты не понимаешь, что все эти таинственные происшествия, случающиеся день изо дня, вовсе не нашего ума дело? И... И если тебе повезло в прошлый раз, – выделил он голосом, предвывая еще одно возможное возражение жены, – то это только везение. И потом, ты подвергалась неоправданному риску! – воскликнул Никита Сергеевич, которого все еще мучила совесть за то, что он так опрометчиво втянул жену в прошлое расследование.

– Отчего же неоправданному? – с легкой улыбкой на губах поинтересовалась Катерина Дмитриевна. – По-моему, как раз наоборот.

– Все равно! – отрезал муж. – Это только случайное везение. Не факт, что может повезти снова. Совсем не факт, – повторил он более для себя, чем для нее.

– Значит, ты полагаешь, – холодно начала жена, – что моих заслуг в прошлом расследовании не было, всего лишь случайное везение и только? – уточнила она, как-то не по-хорошему блеснув глазами. – Что ж, сударь, в таком случае извините, что заговорила с вами на эту тему, – Катенька с достоинством поднялась из кресла и вышла из кабинета, высоко держа голову.

Профессор остался сидеть за столом, понимая, что обидел ее и снова укоряя себя за такую бесчувственность, а еще больше за то, что у жены открылся вдруг сыскной талант. Ну, положим, талант – не талант, тут же подумал он, но в наблюдательности и логике ей не откажешь. Кажется, этот способ расследования называется дедукцией? Жена – сыщик, что может быть хуже? Никита Сергеевич вздохнул-вздыхал, да и пошел следом за Катенькой. Нужно бы помириться.

Жену он застал в столовой.

– А, вот и ты, Никита Сергеевич, – сказала она с милой улыбкой, будто ничего и не произошло и не было вовсе никакой размолвки. – А я уж хотела было Груню отправить за тобой. Обедать пора.

– Катя, – начал муж виновато, – ты уж прости меня...

– За что же, друг мой? – с приятной улыбкой осведомилась она. – Разве ты в чем-то провинился передо мной?

Вот ведь характер, подумал про себя Карозин, и как это она так умеет заставить меня чувствовать себя виноватым тогда, когда самой бы след повиниться. Он взглянул на жену и решил чуть ли не впервые за всю их совместную жизнь подыграть ей – тоже сделать вид, что ничего не случилось.

– Да вот волновался, что ты задержалась, и только, – поспешил произнести он.

– Ну, в том твой вины нет, – заверила его Катерина Дмитриевна и улыбнулась.

Карозин сел за стол и за все время трапезы оба не проронили больше ни слова.

– Мне нужно кое-какие бумаги просмотреть, – сказал Никита Сергеевич, когда обед был окончен. – А ты чем займешься, ангел мой?

– Меня вот Варенька Солдашникова к себе приглашала, – ответила жена. – Но теперь, должно быть, поздно уже, да и я что-то устала нынче. Пойду к себе, почитаю, – и снова на ее губах заиграла вежливая улыбка.

– Хорошо, – недовольно пробормотал Карозин и вышел из столовой.

Нет, так дело никуда не пойдет, подумал он по дороге в кабинет. Что же это мы самую пошленькую пьеску разыгрываем? Говорим не о том, о чем следует супругам говорить? Он снова прокрутил в голове короткий диалог и поправил сам себя, что разговор-то, конечно, имел быть самый обычный, самый что ни на есть «супружеский», только вот тон, каким все говорилось, да еще сознание того, что думали оба совсем о другом – вот это было фальшиво и пошло. Никита же Сергеевич во всем предпочитал честность и откровенность, и знал, что Катя того же мнения. «А этак что же? – рассеянно размышлял он. – Получается, что мы оба друг друга не уважаем, коли эту комедию изображаем? – он усмехнулся невольной рифме. – Нет, пойду к ней и объяснюсь!» – решил наконец он и, выйдя из кабинета, поднялся на второй этаж, где находилась спальня жены. Карозин осторожно постучал в дверь.

– Кто там? – откликнулась Катенька.

– Это я, – сказал Никита Сергеевич, входя в комнату. – Я вот зачем, – он посмотрел на жену, сидящую за бюро и что-то пишущую, видимо, дневник. – Этак, Катя, не пойдет. – Катерина Дмитриевна посмотрела на мужа удивленно. – Этак мы с тобой можем Бог знает до чего дойти! – Карозин неожиданно разволновался.

– Да о чем ты, Никита? – она повернулась к нему. – Что тебя так взволновало?

– Катя, ну довольно, – попросил он, подходя к жене и садясь рядом на стул. – Ты и сама понимаешь, о чем. Не нужна нам эта холодная вежливость, ты ведь знаешь сама, к чему вот такое обращение привести может... Начнем таить то, что на душе у каждого, сначала в мелочах, а потом и... – Катины глаза сощурились, – и можем дойти до того, что у каждого своя жизнь будет! Понимаешь, о чем я? – Она молчала. – Катя, ты ведь понимаешь, не правда ли? Ведь мы же с тобой не то, что другие, которые женятся по выгоде и никаких общих склонностей не имеют и всю жизнь притворяются, всего лишь изображают из себя супругов, хотя каждый про другого знает, что...

– Довольно, Никита, я все поняла, – улыбнулась Катерина Дмитриевна. – Уж не ревнуешь ли ты? Что-то больно разволновался. Впрочем... Я ведь хотела тебе все рассказать, только ты сам не позволил, – все-таки не удержалась и напомнила она. – Вот я и не стала больше с тобой на эту тему заговаривать, раз уж запретил сам.

– Катя, ну что ты такое говоришь? Неужто прямо и запретил? – ахнул Никита Сергеевич, уже больше изображая удивление, чем испытывая его на самом деле, потому что взгляд жены потеплел и Карозин уже предчувствовал, что еще минута – и они оба посмеются над всею сценою.

– Да, друг мой, – подтвердила она строго и скорбно, опустив глаза и силясь не улыбнуться. – Запретил.

– Ну так ты прости меня! Я ведь делаюсь совершенно глуп, когда речь о тебе заходит! – Карозин взял ее тонкую ручку и поднес к губам. – Простишь?

– И ты меня прости! Я тоже бываю глупа! – воскликнула Катерина Дмитриевна в порыве души и обняла мужа.

Так семейный мир был восстановлен, размолвка ушла в прошлое и, вволю насмеявшись над своею собственною глупостью, супруги помирились окончательно, после чего Никита Сергеевич, успокоив себя, все же поинтересовался:

– Так что там случилось?

– Нужно ли об этом? – лаская мужа взглядом, спросила Катенька, впрочем, вполне оценив его деликатность. – Я ведь знаю, что тебе это неприятно. Оставим.

– Нет, ангел мой, – блаженно улыбнувшись, ответил супруг. – Лучше ты мне расскажи, ведь все равно так просто не оставишь, знаю я тебя, – мягко пожурил он жену, прижав к себе. – Она мурлыкнула и вздохнула глубоко и счастливо. – Ну так что приключилось?

– Хорошо, – Катерина Дмитриевна отстранилась от мужа и заговорила серьезней: – Дело в том, что прошлой ночью скончалась графиня К.!

– И?.. – Никита Сергеевич не понял, что было такого особенного в смерти этой, говоря откровенно, взбалмошной и экзальтированной графини, известной по Москве своими скандальными приключениями. – Катя, люди каждый день умирают...

– Ах, Никита, ты бы хоть дослушал! – досадливо поморщившись, с новым жаром воскликнула Катерина Дмитриевна, и супругу ничего другого не оставалось, как поднять руки вверх, в знак своей полной лояльности. – Ее убили, Никита! – с уверенностью заявила Катя. – Ее отравили!

– Что?

– То, Никита Сергеевич! Ее отравили, и мне это доподлинно известно! – Катерина Дмитриевна торжествовала, поскольку на лице у мужа отразилось полное замешательство.

– Объяснись, – потребовал он. – Такими обвинениями, ты знаешь, не бросаются. – И профессор нахмурился, чтоб показать, как он недоволен. – Да и кому это могло понадобиться? – прибавил он в сомнении, более для себя.

– Хорошо, – вздохнула жена. – Начну с самого начала. Я приехала к мадам Roche, у нее встретила Лидию Михайловну Мелихову, племянницу графини, ты помнишь ее? – Карозин поспешил кивнуть, лишь бы только жена наконец все рассказала, а он смог убедить ее после, что что бы там ни случилось, ей следует остаться в стороне от этого. – Так вот, Лидия Михайловна приехала сама, чтобы отменить прежние заказы и сделать только один – траурного платья. Мне она неожиданно обрадовалась как старой знакомой и просила меня уделить ей немного времени. Естественно, я согласилась. После примерки мы сели в ее сани и по дороге сюда она мне все и рассказала. Оказывается, накануне ночью графиня умерла, отравилась. Или, точнее, ее отравили... То есть, выглядело это так, будто она сама, но на самом деле, я думаю... В общем, Никита, тут достаточно загадок! Ты это понимаешь? И потом, ты ведь знаешь графиню К.! Несмотря на ее... – Никита Сергеевич выразительно посмотрел на жену: – ...на ее легкий нрав, – подобрала она наиболее обтекаемое выражение, – графиня ни за что не наложит бы на себя руки! Согласись же!

– Согласен, – нехотя признался Карозин, хмурясь. – Ну и что тебя волнует, душа моя? Если все это так, значит это дело полиции, сыщиков. А ты-то здесь при чем? – Никита Сергеевич недоуменно посмотрел на жену и тут, кажется, начиная понимать, к чему клонит Катенька, подозрительно поинтересовался: – А почему это Лидия Михайловна с тобой разоткровенничалась?

– Ах, Никита! Ну какой же ты недогадливый! Лидия Михайловна, конечно же, знает о том, как в прошлый раз ты помог генеральше вернуть кольцо, – кокетливо улыбнулась она. Муж же еще сильнее нахмурился. – Ну же, Никита, – приласкалась к нему жена, – ну, не хмурься ты так...

– Ты не договорила. Что ей от тебя было нужно? – упавшим голосом спросил Карозин, заранее предчувствуя ответ.

– Она хотела, чтобы ты, – Катенька снова не удержалась от шаловливой улыбки, – помог ей расследовать смерть тетки.

– Это уже не лезет ни в какие ворота! – возмущенно воскликнул супруг и поднялся со стула.

– Никита, ты что же, думал, что никто не узнает о том, как ты... – Карозин метнул на жену гневный взгляд. – Хорошо, – тут же поправилась она, – как я расследовала ту кражу? И притом, голубчик мой, они-то все думают, что главный сыщик – ты! И все теперь об этом случае знают, так что же тут удивительного?

– Катя, перестань! – воскликнул профессор. – Тебе известно, как я ко всему этому отношусь! Довольно об этом! Если я один раз позволил тебе по своему легкомыслию ввязаться в такое дело, то больше этому не бывать! Ты мне рассказала, я выслушал. Довольно! На этом

и остановимся, – Карозин повернулся к жене и посмотрел на нее и требовательно и моляще одновременно.

– Боюсь, слишком поздно, Никита Сергеевич, – с сожалением покачала красивой головой Катерина Дмитриевна. – Она так просила... Ты ведь понимаешь, о графине и так полным-полно слухов ходило, Лидия Михайловна не хочет подвергать обстоятельства ее кончины огласке, чтобы...

– Катя, – в ужасе промолвил Карозин, – Катя, неужели ты... дала согласие?..

– Да, друг мой, – печально и трогательно улыбнулась Катенька.

– Нет, это невозможно! – выдохнул несчастный супруг и, не в силах больше слышать обо всем этом, покинул спальню жены.

– Ничего не поделаешь, Никита, – тихо проговорила Катерина Дмитриевна, оставшись одна. – Я не могла ей отказать...

Кое-что об обстоятельствах смерти этой самой графини К. Катерина Дмитриевна мужу не договорила, отчасти потому, что разговор повернул в такую неприятную сторону, отчасти же потому, что хотела сама еще раз все перепроверить, а то больно уж загадочно эта история выглядела. А дело было так.

* * *

Как уже известно читателю, Катерина Дмитриевна встретила Лидию Михайловну у мадам Roshe, где последняя отменила заказ на бальные платья и вместо этого выбрала черную хрустящую тафту на платья траурные. Не обошлось, конечно, без расспросов, на которые Лидия Михайловна отвечала более чем сдержанно, а после обратилась к Катеньке со странной, в общем-то, просьбой, потому как отношения между двумя дамами были не такие уж и близкие, – не согласится ли госпожа Карозина, чтобы Лидия Михайловна подвезла ее до дома. Катенька, приехавшая к портнихе на извозчике, конечно, согласилась, тем более что весь вид Лидии Михайловны свидетельствовал о том, что просьба ее всего лишь предлог и у госпожи Мелиховой имеются серьезные основания для такого поступка.

Необходимо отметить, что племянница довольно известной по Москве и, как уже было вскользь замечено, весьма скандальной графини К., Лидия Михайловна вышла замуж за коллежского советника Петра Данилыча Мелихова семнадцати лет, а до этого времени пятнадцать лет воспитывалась в доме своей тетки. Матери она не помнила, а отец умер от разрыва сердечной мышцы, когда девочке исполнилось два годика, и единственная ее родственница – сестра отца, графиня К., взяла девочку к себе.

Лидия Михайловна не любила вспоминать того времени, что провела в большом доме своей покровительницы на Тверском бульваре, и даже солидное приданное, данное за ней, не могло изменить ее более чем холодного отношения к родственнице. Теперь же, спустя десять лет, Лидия Михайловна была женою действительного статского советника и матерью четырех деток – трех дочерей и сына. Эта высокая полноватая женщина с темными русыми волосами и серыми, почти прозрачными глазами редкой формы казалась самым настоящим воплощением женского начала, и хоть и не была красавицей в привычном смысле этого слова, но неизменно вызывала какие-то восхищенно-завистливые взгляды.

Дамы завершили дела у портнихи и вышли из ее салона, расположенного на Кузнецком мосту.

– Вон мои сани, – сказала Лидия Михайловна и подвела Карозину к крытому возку, обитому темно-синей тканью. Кучер, одетый в темно-синее же ливрейного покроя пальто, подбитое мехом, спрыгнул с козел и открыл перед дамами дверцу. – У меня ведь к вам разговор, – добавила Мелихова, глянув на Катеньку как-то значительно.

– Об этом я догадалась, – улыбнулась Карозина и, следуя приглашающему жесту хозяйки, села в возок. – Сначала в Брюсовский переулок, – распорядилась Лидия Михайловна и, заняв сидение напротив, тяжело вздохнула.

Возок тронулся, дамы молчали.

– Даже не знаю, с чего начать, – пожалла закутанными в соболью ротонду плечами Лидия Михайловна. – Вот ведь как некстати с тетушкой вышло, под самое Рождество. – Карозина деликатно промолчала. – Вы ведь знаете, какие между нами были отношения, не так ли? – Карозина осторожно кивнула, больше для того, чтобы не утруждать Лидию Михайловну неприятными объяснениями. Та оценила вновь проявленную деликатность своей соседки и продолжила: – Точнее уж сказать, что между нами вовсе никаких отношений не существовало, – и горько при этих словах усмехнулась. – Ну да ладно, Катерина Дмитриевна, буду с вами как на духу! – наконец решилась Лидия Михайловна и заговорила другим, более уверенным тоном:

– Начать, пожалуй, следует с того, что мне порекомендовала к вам обратиться Арина Семеновна Соловец. – После этих слов Мелехова выдержала паузу, но Катенька только улыбнулась в ответ. – Собственно, почему мне все это понадобилось, я вам сейчас разьясню. Не считите меня черствым человеком, но меня смерть тетушки особенно не огорчила. Вы, надеюсь, понимаете, что причиной тому все эти слухи, которые вечно про нее распространяются, – Катенька слегка склонила голову. – И я, быть может, Катерина Дмитриевна, не стала бы вовсе копаться в ее грязном белье, – презрительно выговорила Лидия Михайловна, – но вы ведь понимаете, приличия требуют и все такое.

Карозина подумала, что слова даются Лидии Михайловне с большим трудом и вообще разговор ей крайне неприятен, и удивилась, зачем же она тогда его затеяла. Впрочем, Лидия Михайловна тотчас же и объяснила, зачем именно.

– Словом, Катерина Дмитриевна, обстоятельства ее кончины таковы, что можно предположить убийство. Да-да, не удивляйтесь. Хотя, чего уж там, – досадливо поправила она себя, – я и сама сначала удивилась. Тетка была отравлена цианидом, – Лидия Михайловна устало прикрыла глаза, – это показало сегодняшнее вскрытие. Нашли записку у нее, а в записке всего одна фраза: «Расследование не учинять». Я бы и не стала. Похоронила бы ее, грешницу, да на богомолье по весне съездила... Но общество! Общество требует, чтобы я приложила со своей стороны все усилия для раскрытия этого преступления! Представьте, каково мне? Я нынче записку получила от генерала-майора Барановского, в которой он меня спрашивает, найду ли я сама толкового сыщика или мне помочь сыскать такового! Мол, друзья графини очень переживают, – с нескрываемым раздражением проговорила Мелихова. – Каково это? Указывают мне, что следует делать! Да еще и про яд откуда-то узнали. Впрочем, чего уж тут удивительного, ежели у дорогой тетушки в «друзьях», – она язвительно выделила это слово, – такие тузы значатся. Хоть они, между нами будь сказано, и большие мерзавцы, – она понизила голос и невесело усмехнулась, – но тузы, настоящие *grand siegneur*'ы. И все они теперь, конечно, станут скучать без теткинго, простите, веселого дома, – мстительно закончила Лидия Михайловна.

Карозина молчала, не зная, что сказать в ответ. Да и следует ли что-нибудь говорить?..

Зачем ее пригласила Лидия Михайловна, Катенька уже вполне понимала, но думала она сейчас о другом. Конечно, извинить резкость Мелиховой несложно – несмотря на то, что она свела к минимуму общение со своей теткой, каждый новый слух о ней вызывал у Лидии Михайловны досаду и стыд, оттого и вполне понятно было ее желание хоть напоследок избежать крайне неприятных для нее сплетен вокруг имени графини. Однако и так называемых «тузов» тоже, наверное, можно было понять. О графине по Москве ходили и правда небывалые слухи, мол, с тех пор, как она окончательно переселилась на свою дачу в Петровском парке, у нее там устраивались чуть ли не оргии.

Карозина чуть качнула головой. Ну, положим, оргии – не оргии, а говорили о том, что якобы два-три раза в год съезжаются к ней любители «сладкого», и что будто бы графиня пред-

ставляет им невинную барышню, которую потом эти, вот уж правду сказала Лидия Михайловна, большие мерзавцы в открытую торгуют друг у друга. Причем, чем девушка благородней сословием, тем дороже за нее дают. Ну, и много чего еще такого говаривали. Мол, непристойные театральные картины у графини тоже в почете, словом, чего только молва людская не напридумывает.

Карозина этим слухам почти и не верила, да и не верила бы точно, если бы не знала народной мудрости о том, что дыма без огня не бывает. А раз так, значит, было же что-то такое на закрытых (sic!) вечерах у графини. Вот и племянница ее этого не отрицает, потому открыто и назвала ее дом веселым.

– В общем, вы ведь меня поняли, Катерина Дмитриевна? – прервала Катины размышления Лидия Михайловна. – Я вынуждена провести расследование. Но поскольку мне бы все-таки хотелось, чтобы дело велось в тайне, да вот и Барановский о том же намекал, то я предпочла бы обойтись без полиции. Я и профессора Штольца, что вскрытие делал, об этом же просила. Он пообещал. – Лидия Михайловна жалостливо вздохнула. – Мне Арина Семеновна сказывала, будто ваш муж помог ей в одном очень деликатном деле, – Катенька не сдержала улыбки на этих словах. Эх, знали бы эти дамы, кто в самом деле им помог! – И обошлось без огласки. Так, может, Никита Сергеевич и в моем случае смог бы посодействовать? Конфиденциально, так сказать? Что скажете, Катерина Дмитриевна?

Лидия Михайловна замерла в ожидании ответа, а Катенька пожалела, что на улице уже достаточно темно, а в возке и вовсе, и что она не может разглядеть выражения лица просительницы.

– Брюсовский! Прибыли! – крикнул кучер и возок остановился.

– Фома, поезжай вон к тому белокаменному особняку, – высунувшись в окно, скомандовала Лидия Михайловна.

Возок снова тронулся.

– Так что же? – снова спросила Лидия Михайловна, проявляя нетерпение. – Я ведь не решилась к вашему супругу сразу обратиться. Думала вот с вами посоветоваться сначала. Что скажете, Катерина Дмитриевна? Не откажется ваш супруг от такого поручения? Если не сочтете... – она слегка замялась, поскольку Катенька все еще молчала, а разговор вошел в самую деликатную фазу. – Словом, в долгу не останемся, Катерина Дмитриевна! – выпалила наконец Лидия Михайловна и тут Катенька ее наконец пожалела, заговорила, хотя про себя уже давно все решила:

– Лидия Михайловна, я вам, если позволите, только один вопрос задам.

– О, конечно! – тут же откликнулась Мелихова.

– Прибыли! – снова крикнул кучер и возок опять остановился.

Катенька выглянула из окна и увидела свой особнячок. «Никита-то, должно быть, давно волнуется!» – подумала она и обернулась к Лидии Михайловне.

– Я вас долго не задержу, – сказала она, – вот мой вопрос. Почему вы не обратились к профессиональному сыщику? Я слышала, их теперь немало развелось.

– Это отказ? – как-то обиженно протянула Лидия Михайловна.

– Что вы, ничуть, – легко возразила Катенька, – это всего лишь вопрос.

– Если честно, – помолчав, заговорила Мелихова, – потому что Арина вашего мужа так расхваливала, так расхваливала...

– Все ясно, Лидия Михайловна. Я постараюсь убедить супруга, что в его силах вам помочь. Более того, полагаю, что я могу уже даже и поручиться за него, – вдруг совсем уж нехоти добавила Катенька и тотчас прикусила себе язык. С обещанием-то она явно поспешила!

– Так вы обещаете? Да? – Лидия Михайловна нашла Катину руку и благодарно пожала ее. – Я могу на вас полагаться?

Назвался груздем – полезай в кузов, гласит еще одна народная мудрость, а ей вторит другая: слово не воробей, вылетит – не поймаешь. Катерина Дмитриевна вспомнила и ту, и другую, вздохнула и, делать нечего – подтвердила свое согласие.

На прощанье обрадованная Лидия Михайловна просила завтра же пожаловать к ней, чтобы на месте все нужные обстоятельства выяснить.

– Это уж, наверное, ему самому придется? – поинтересовалась она и тут же, без перехода, закончила: – Ох, Катерина Дмитриевна, душечка, вы меня спасли! Будто гора с плеч!

Карозина улыбнулась и вышла из возка. И вот к чему привело ее поспешное согласие.

ГЛАВА ВТОРАЯ

На следующий день Карозины встретились в столовой за завтраком. Оба были бледны, расстроены и тем не менее на лицах обоих читалась явная решимость не отступаться от своего. Друг на друга они категорически не смотрели, что было немедленно замечено слугами, которые тотчас принялись строить догадки по поводу размолвки хозяев.

– Во сколько, Никита, тебя ждать? – спросила Катерина Дмитриевна, старательно глядя в чашку с кофе.

– Как обычно, к обеду, – ответил Никита Сергеевич, так же старательно глядя на ободок тарелки.

– Я сегодня заеду к Вареньке Солдашниковой, – равнодушно проговорила Катенька. – Но к обеду постараюсь быть.

Карозин промолчал. Он покинул столовую первым, не в силах выносить долее разрывающего ему сердца зрелища – его любимая жена так с ним холодна и так упряма! Никита Сергеевич поехал в университет в самом дурном расположении духа, что пагубно отразилось на лекциях и так же, как прежде слугами, было замечено студентами и сослуживцами. Многие из них недоумевали, что стряслось с таким жизнелюбом, как Карозин? Предположили, что дело в супружеской размолвке, и оказались правы.

Что же до Катерины Дмитриевны, то она, едва только супруг отъехал, переоделась в теплое платье, распорядилась найти «ваньку» и написала две коротенькие записочки, одну из которых следовало отнести в Каретный – Анне Антоновне Васильевой, а другую на Большую Дмитровку – Вареньке Солдашниковой. В первой записке Катенька просила свою дальнюю родственницу, хозяйку небольшого литературного салона, бывшую в курсе всех слухов Первопрестольной о вечернем визите, а во второй извинялась перед другой своей дальней родственницей за то, что не сможет заехать к ней и нынче. Если бы Катерина Дмитриевна могла заглянуть в будущее, то она, очень может быть, и не поступила бы столь опрометчиво, а даже, наоборот, отложив все свои дела поспешила бы к Вареньке, но увы, Катенька не обладала талантом предвидения.

Едва только она покончила с распоряжениями, принесли конверт. Катенька вскрыла его и узнала, что Лидия Михайловна собирается сегодняшний день провести в графском доме в Петровском парке, где, собственно, и случилось преступление, а потому просила Катерину Дмитриевну приехать туда же.

«Что ж, – решила Катенька, – так даже и лучше для дела». И она поспешила одеваться.

Дорога до Петровского парка от Брюсовского переулка занимала чуть больше получаса, поэтому Катерина Дмитриевна откинулась в санях и с удовольствием смотрела по сторонам. Москвичи готовились к праздникам – ведь Рождество через неделю – и улицы были запружены народом, снующим в поисках подарков.

Сначала, как выехали из переулка, повернули налево и поехали дальше прямо по Тверской, этой длинной и всегда многолюдной улице, изобилующей торговыми домами. Вот направо длинное здание, первый этаж которого занимает роскошный магазин купца Андреева, а второй – гостиница «Дрезден». Напротив расположился генерал-губернаторский дом, а через площадь – вывеска «Аyez» на низеньком доме. У этого портного Никита Сергеевич себе платье заказывает. Чуть дальше кондитерская «Siou», потом булочная Филиппова. Снова площадь, налево от которой – Тверской бульвар, а направо – Страстной монастырь.

Катерина Дмитриевна, поравнявшись с его розовыми стенами, перекрестилась. На большом черном циферблате стрелки остановились на одиннадцати часах – отошла поздняя обедня и прихожане расходятся по домам. Здесь же, неподалеку, памятник Пушкину. Еще одна церковь чуть дальше – Рождества в Палашах, в которой хранится чудотворная икона Богоматери.

Катенька снова осенила себя крестным знамением, помолившись о том, чтобы Никита успокоился и согласился с ней.

Проехали Глазную больницу, начался длинный ряд вывесок по обеим сторонам. Катерина Дмитриевна, ни разу еще не ездившая по этой дороге, с любопытством вчиталась: «Здесь стригут, бреют, пускают кровь». Это было написано на вывеске, изображавшей молодую даму в пышном платье, у которой была отворена вена. Затем следовала «Табашная продажа» – над входом чернокожий человек в чалме и желтом халате курит длинную трубку. А вот «трах-тир» – самовар, словно бы парящий на голубом фоне, поднос с чайниками и чашками, и надпись: «Свидание друзей на перепутье». А последняя вывеска Катеньку изрядно насмешила. Картинки никакой на ней не было, а вот надпись была, причем куда как забавная: «Портной Емельянов из Лондона и Парижа». Но вот улица стала шире, проехали Триумфальные ворота и Смоленский вокзал.

– Кончилась Москва-то! – весело оповестил извозчик и лукаво глянул на молодую барыньку.

Поехали по шоссе, по обе стороны которого – пустыри, а посередине – аллея для пешеходов. Начались дачные дома, самые разнообразные, все больше затейливые, со скульптурными украшениями.

– А вона, глядите, – все с той же веселостью сообщил парень и ткнул вперед на белое длинное здание, к которому приближались сани, – «Яр»!

«Яр», подумала Катенька и с еще большим любопытством принялась рассматривать нарядное здание. Так вот он какой, один из известнейших ресторанов Москвы.

– Далеко нам еще? – поинтересовалась она.

– Полдороги будет, – ответил ей извозчик.

Катерина Дмитриевна кивнула. Проехали еще немного и показался Петровский замок, а за ним и Ходынка – обо всем этом рассказывал ямщик. Затем сани свернули с шоссе на боковую аллею и, проехав мимо церкви и нескольких дач, остановились у ворот.

– Вот это и есть графский дом, – важно заявил извозчик, оглядываясь на хорошенькую барыньку, с любопытством осматривающую окрестности.

– Он?.. – в некоторой растерянности переспросила Катенька.

– Не извольте сумлеваться, – самодовольно заверил «ванька». – Мы этот дом преотлично знаем, – и подмигнул, нахал.

Катенька бросила на него недовольный взгляд, но ничего не сказала. В самом деле, не виноват же он в том, что про графиню по Москве всякое болтают.

– Спасибо, – сказала она и расплатилась щедро, так, что извозчик даже спросил, стоит ли ее подождать. – Вот уж и не знаю, – вздохнула Катенька, задумавшись.

Если Лидия Михайловна здесь, то уж, наверное, отвезет ее обратно. А если нет? Впрочем, она ведь не знает, сколько времени здесь пробудет, а зачем человеку на улице мерзнуть.

– Нет, не стоит, пожалуй, – ответила Катенька и вышла из саней.

Калитка была открыта и Катерина Дмитриевна вошла на круглый двор, огляделась. Большой барский дом в два этажа, с огромными окнами, с террасами, с двух сторон спускающимися в сад, за которым виднелся парк старых, развесистых деревьев.

«Вообще летом тут должно быть красиво и много очень зелени», – подумала про себя Катерина Дмитриевна, подходя к монументальному крыльцу с колоннами, у которого давно уж увидела знакомый возок. Значит, Лидия Михайловна уже здесь. Навстречу ей, из-за угла дома, вышла баба, одетая в тулуп и платок, подозрительно осмотрела Катерину Дмитриевну и спросила:

– Вы, нечай, к барыне Лидии Михалне?

– К ней, – улыбнулась Катенька, уже поднимаясь на крыльцо и звоня в колокольчик.

Баба осталась на своем месте, не сводя своего подозрительного взгляда. Дверь открыл высокий сухой старик, одетый в зеленую ливрею, смерил Катерину Дмитриевну оценивающим взглядом выцветших глаз и поинтересовался:

– Просительница? Так барыня скончались! – сказано это было важно и, кстати, без особого сожаления о кончине барыни.

– Что? – удивилась Катенька, про себя отметив, что к графине частенько, должно быть, наведывались просительницы. – Нет. Доложи Лидии Михайловне, к ней Карозина Катерина Дмитриевна. – И шагнула мимо него в дом.

Старик что-то недовольно хмыкнул, закрыл дверь и не спеша пошел куда-то налево. Катенька усмехнулась, огляделась по сторонам. В глаза бросилось большое зеркало в золоченой раме, занавешенное черным тюлем. Прихожая просторная, в модных бордовых тонах, с непременно чучелом медведя в углу, держащим серебряный поднос для визитных карточек на вытянутых лапах.

Правда, сейчас поднос был пуст, а сам медведь, неприятно оскалив пасть, смотрел на Катеньку стеклянными глазами недовольно. Чего, мол, надо, зачем приехала? Катенька, нимало не страшась его грозного вида, подошла к косолапому и тихонько шелкнула его по носу. Медведь стерпел, а что ему оставалось? Ждать пришлось недолго, уже через минуту из комнаты донесся голос Лидии Михайловны, на ходу отчитывающей лакея, а вот и сама она, одетая в строгое лиловое платье.

– Катерина Дмитриевна, душечка! – воскликнула Лидия Михайловна, подходя к Карозиной. – Вы уж простите, что не встретили. Я ведь с утра еще ему, – она бросила недовольный взгляд на старика, – наказывала, что как только явитесь, чтоб сразу вас ко мне. Даже велела мальчишке у ворот вас ждать! – она снова обернулась на лакея и строго проговорила: – Ты, Федор, зайдешь ко мне после. Сейчас же распорядись чаю нам подать. – Лидия Михайловна улыбнулась. – Проходите, милая, раздевайтесь. Давайте-давайте... – и сама даже помогла Катерине Дмитриевне снять ротонду и капот, затем небрежно бросила их на руки провинившегося Федора. – Пойдемте, милая, – и увлекла за собой гостью, – я вас уже заждаюсь.

Дамы прошли через две комнаты с чудесным узорным паркетом, высокие, светлые, с картинами на стенах, миновали залу с мраморным камином и оказались, наконец, в небольшой комнатке, видимо, будуаре. Излишне напоминать, что все зеркала, а их в комнатах было немало, так же были занавешены. В будуаре мебели были обтянуты малиновым шелком, и на окнах висели такие же малиновые шторы.

– Присаживайтесь, душечка, – с ласковой улыбкой попросила Лидия Михайловна.

Катерина Дмитриевна села в мягкое кресло.

– Ну? Что наше дело? – с волнением спросила хозяйка.

– Все в порядке, Лидия Михайловна, – улыбнулась Катенька. – Мой супруг согласен оказать вам всяческую помощь. Правда сегодня он чрезвычайно занят в университете, а потому просил меня у вас все хорошенько разузнать и передать ему во всех подробностях.

– Ах, ну конечно же! – так и засияла Лидия Михайловна. – Я ведь даже велела компаньонке теткой нынче приехать! Уж вы не сердитесь, что, не получив вашего согласия...

– Да о чем вы! Хорошо, что распорядились, – одобрительно кивнула Карозина.

– Вот и славно, – облегченно выдохнула Лидия Михайловна.

– А почему вы сказали, что она должна приехать? – поинтересовалась Катенька. – Разве она не здесь живет?

– Со вчерашнего дня не здесь, – холодно ответила Лидия Михайловна. – Комнату где-то снимает, – и она пожала плечами с самым равнодушным видом, из чего Катенька тотчас же заключила, что к переезду компаньонки Лидия Михайловна имеет самое непосредственное отношение, но вопросы отложила. До времени.

– Она еще не прибыла, но я отправила ей записку, так что, должно быть, будет с минуты на минуту, – поспешила добавить Лидия Михайловна.

Тут в дверь постучались и в небольшую щель просунулась голова Федора:

– Прибыли мамзель Федорцова.

Лидия Михайловна живо отреагировала двумя восклицаниями:

– Ах, ну вот и она! – Катерине Дмитриевне. – Зови, зови! – Федору. Он тотчас скрылся за дверью.

– Между нами говоря, – понизила голос Лидия Михайловна, – это несносное существо. Компаньонка! – презрительно воскликнула она. – А по-нашему сказать, никакая она не компаньонка, а простая приживалка. Это только теперь их так принято называть. Я терпеть ее не могу, такая, знаете ли, лицемерка. Прикидывается такой строгой, такой чопорной, а сама... – миловидное лицо Мелеховой неприятно исказилось презрительной гримаской. – Ну, вы понимаете, что я хочу сказать? – Карозина понимающе кивнула. – Но к тетке эта особа была привязана, так что насчет ее слов я не сомневаюсь... Иначе как и объяснить, что у нее в доме семь лет жила? Разве только склонностью к разврату, – полушепотом добавила Мелихова и тут же вздохнула, покачав головой: – Какой стыд!

Тут снова раздался стук в дверь и Лидия Михайловна сразу надела на лицо маску вежливости:

– Войдите!

В дверях появилась довольно импозантная особа. Высокая, лет около тридцати, тонкая в кости, одетая в строгое черное платье из тафты с небольшим турнюром, со взбитыми рыжими волосами, набеленная до чрезвычайности, с интересным длинным лицом. Высокие скулы, яркие, горящие синие глаза, тонкий нос и тонкие же губы, острый подбородок. Если бы Катерина Дмитриевна не знала, что эта мадемуазель – русская, она могла бы запросто принять ее за англичанку. Федорцова сделала книксен и вступила в комнату со словами:

– Добрый день, – голос ее был тихим, но словно бы не от природы, а по принуждению, словно бы хозяйка его заставляла себя говорить тише и ровнее.

– Проходите, Надежда Ивановна, – со всей доступной ей вежливостью, граничащей с оскорбительностью, ответила Мелихова. – Вот, познакомьтесь. Катерина Дмитриевна, это компаньонка покойной тетушки. А это, Надежда Ивановна, Катерина Дмитриевна Карозина, о которой я вам давеча в записке сообщала. Прошу вас, расскажите ей все, что знаете о смерти тети.

Федорцова кинула на Карозину быстрый взгляд и слегка поклонилась. Чувствовалось, что натура это несдержанная, склонная к истерикам, что выдавали ее лихорадочно блестящие глаза и какая-то порывистость движений, которую она, впрочем, пыталась скрыть.

– Что же вы стоите? – принужденно улыбнувшись, спросила Лидия Михайловна. – Присаживайтесь и расскажите все, что знаете. Я ведь затем вас и звала.

Федорцова поджала и без того тонкие губы, что не ускользнуло от внимания Карозиной. Видимо, компаньонка была задета, однако она проглотила фразу Лидии Михайловны и опустилась на стул, заняв самый его краешек и держа спину неестественно прямо.

– С чего прикажете начать? – скромно поинтересовалась она, потупив глаза.

– Ах ты, Господи Боже мой! – в сердцах всплеснула руками Лидия Михайловна. – Экая вы! С начала, разумеется!

– Да, – Федорцова метнула на Мелихову обжигающий взгляд из под ресниц. Видимо, она чувствовала себя в ее обществе принижено и это ее крайне задевало. – Но с какого именно времени?

– Надежда Ивановна, вы буквально наше терпение испытываете! – видимо Лидии Михайловне все труднее давалась выдержка, сам вид Федорцовой выводил ее из терпения. – Начните хоть с того, как появились эти повесы!

«Повесы?» – не без удивления подумала Катенька. О повесах ей ничего не было известно. Федорцова вздохнула, Катенька – тоже, подумав о том, что было бы, вероятно, куда лучше, если бы она поговорила с компаньонкой сама. Присутствие Лидии Михайловны не располагало Надежду Ивановну к откровенности. Но под каким предлогом удалить Лидию Михайловну? Взаимная неприязнь этих дам могла только навредить всему мероприятию.

В дверь постучали и в комнату шагнул Федор, неся поднос с чайными принадлежностями. Лидия Михайловна посмотрела на него тяжелым, немигающим взглядом, дескать ах, как ты не вовремя, однако Федор этот взгляд совершенно проигнорировал и, поставив поднос, на котором оказалось только два чайных прибора, важно удалился. Лидия Михайловна не спешила разливать чай, вместо этого она снова обратилась к бывшей компаньонке:

– Ну что же вы молчите, будто воды в рот набрали? – уже не скрывая своих чувств, проговорила она.

– Простите меня, Лидия Михайловна, – наконец-то вмешалась Катенька, уже наверняка зная, что если она этого не сделает, то никакого разговора не получится, – можно вас на пару слов? – и улыбнулась.

– Ах, ну конечно же! – Лидия Михайловна порывисто встала из кресла и, не взглянув на Федорцову, вышла следом за Катенькой из комнаты.

– Лидия Михайловна, не считите за дерзость, но не могли бы вы оставить меня с ней тет-а-тет? – обратилась Катенька с просьбой, как только они оказались в соседней зале. – Я вижу, что вам тяжело само ее присутствие, да и ей, наверное, легче будет довериться лицу постороннему.

Лидия Михайловна с некоторым удивлением посмотрела на Катеньку, но потом вздохнула и согласилась:

– Вы правы, я совсем не могу ее выносить. И она, кстати, тоже меня не выносит. Что ж... – Лидия Михайловна помолчала. – Так, пожалуй, будет лучше. Говорите с ней сами, Катерина Дмитриевна. Только учтите, это настоящая ханжа.

– Я учту, – улыбнулась Катенька, про себя подумав, что Лидия Михайловна, безусловно, слишком пристрастно судит о бедняжке.

– Я подожду вас в гостиной. Надеюсь, вы расскажете мне потом все, что узнаете от нее.

– Разумеется, – поспешила заверить Катенька и, благодарно пожав руку Лидии Михайловне, вернулась в будуар.

– Думаю, нам лучше поговорить с глазу на глаз, – мягко произнесла она, посмотрев на Федорцову, все еще сидящую в напряженной позе. – Как вам кажется, Надежда Ивановна? – Та бросила на Карозину признательный взгляд и, кажется, немного расслабилась.

– Думаю, они меня не выносят оттого, что не терпеть не могли свою тетку, – вот первое, что она сказала, причем вполне откровенно.

– Вы правы, мне тоже так кажется, – Катенька устроилась в кресле напротив и посмотрела на Федорцову внимательно и участливо. – Вы можете рассказать мне, отчего появилось подозрение, что графиню отравили? Ведь это от вас пошло? Или я ошибаюсь?

– Я могу рассказать вам все с самого начала? – вместо ответа спросила Надежда Ивановна.

– Разумеется, вы можете рассказать мне все, что посчитаете нужным, – подбодрила Карозина.

– Тогда так, – Надежда Ивановна вздохнула. – Я начну с того, как попала к графине. Про нее многое говорят, но я прожила у нее в доме семь лет и хочу, чтобы вы узнали то, что знала я. – Она посмотрела на Катеньку решительно.

– Я вся внимание, – ласково ответила Карозина.

– Конечно, я не чета нашей Лидии Михайловне, – вот как начала свой рассказ m-le Федорцова, метнув быстрый взгляд на дверь. – Ну да это и понятно. – Она вздохнула. – Мой род хоть

и дворянский, но весьма обедневший, это после реформы случилось не с одними нами. Дело прошлое, конечно, но с тех пор и начались наши злключения. – Катенька налила чаю, а про себя подумала, что Надежда Ивановна зря этак мелодраматично начала. Впрочем, послушаем, что же будет изложено дальше.

А дальше пошло куда интересней:

– Благодарю, – Федорцова приняла чашку и продолжила более ровным голосом. – Я вам это сказала, чтобы вы поняли, отчего я польстилась на графинино предложение. Расскажу и как я его получила. Моя маменька, царствие ей небесное, считала, что для девушки одной красоты мало, особенно же, если девушка бедна, как церковная мышь, – Федорцова слабо улыбнулась. – Так, кажется, в народе говорят? Помимо миловидной внешности, считала маменька-покойница, необходимо еще и образование получить, а потому, можно сказать, на последние деньги определила меня в пансион к m-m Frisons. Окончила я его весьма успешно, да вот только родители мои так обеднели, что вынуждена я была после этого пансиона наниматься гувернанткой, чтобы их, да и себя, прокормить. Выправила документы, хотела подать заявление, да тут мне присоветовали обратиться к одной особе, которая за небольшое вознаграждение устраивала таких девушек в хорошие дома, давала им рекомендации и все такое. Я и подумала, что так-то оно, пожалуй, вернее выйдет. Пошла я к этой особе, не стану называть вам ее имени, Катерина Дмитриевна, – извиняюще улыбнулась Федорцова, – дело прошлое, ни к чему ворошить. Теперь уж эта дама почтенная старушка и давно отошла от подобных дел. – Она вздохнула, сделала маленький глоточек чаю. – Так вот, пришла, обсказала ей, что да как, а она мне и говорит, мол, к ней недавно обратилась одна знатная и уважаемая особа, которая ищет себе что-то вроде компаньонки. Но только не нужны ей ни старые девы, ни ветреные девицы. Она, говорит, хочет, чтобы это была скромная и воспитанная барышня, вот, мол, навряд ли вас, чтобы скрасила ее одинокие вечера. Особа, говорит, щедра, если понравитесь ей, так она вас ничем не обидит. Что мне было делать? Согласилась, чтобы меня ей представили. Догадались, о ком речь? – Карозина кивнула. – О графине, конечно, о Наталье Ильиничне. Представили меня ей честь по чести. Она мне сразу понравилась, жизнерадостная такая, еще не старая, а то я уж думала, что придется какую-нибудь развалину с кучей собачонок развлекать. А тут – молодая женщина, со вкусом одетая, в общем, сразу видно – светская дама. Ну, и я ей, видно, приглянулась, взяла она меня к себе в дом, – снова вздохнула Надежда Ивановна. – Родителям моим помогла деньгами. Что и говорить, щедрая она была, – Федорцова перекрестилась. – Словом, зажили мы с ней весело и хорошо. По театрам ездили, на балы всегда меня с собой брала и я у нее даже вроде не компаньонка выходила, а воспитанница. Она меня так и представляла всем своим гостям, а гости у нее бывали частенько, очень уж она это любила, – тут Надежда Ивановна шмыгнула носом и даже слезу подпустила. Правда, Катерина Дмитриевна на это посмотрела без чувства, а скорее даже с неудовольствием, больно уж на театральный эффект походило.

– Так вот и жили с ней все семь лет душа в душу, – продолжила «компаньонка-воспитанница» после короткой паузы, во время которой утирала лицо батистовым платочком.

Карозина выжидающе молчала, хотя на уме у нее вертелось немало вопросов, относящихся непосредственно к существу дела, о котором Надежда Ивановна так пока ничего и не сообщила. Катерина Дмитриевна подавила вздох и промолчала, надеясь, что после краткой истории своей жизни Федорцова наконец расскажет и о смерти своей благодетельницы. Куда там! Мамзель Федорцова заговорила вовсе о другом, но тут уж Катерина Дмитриевна стала слушать внимательнее и не столько из досужего любопытства (как известно читателю – говорили-то про графиню разное), сколько из интересов дела.

– Про Наталью Ильиничну-то немало судачат, но я вам, Катерина Дмитриевна, лгать не собираюсь, – Надежда Ивановна посмотрела в глаза Катеньке открыто и честно. – Знаете, от чего люди такое сочиняют? От того, что завидно самим. Графиня-то как восемь лет назад

овдовела, так и начали о ней разные слухи ползти. А я вот как думаю, – тон у Надежды Ивановны изменился, в голосе послышался металлический оттенок и Катенька с большим любопытством посмотрела на свою визави, – что если женщина молодая и обеспеченная, да к тому же красавица, современных взглядов придерживающаяся, то отчего бы ей и не завести себе кавалера? – И Надежда Ивановна замолчала, явно ожидая от Катеньки одобрения.

– Ну... – только и нашлась что ответить Катенька.

– А что? Скажете, мол, а как же мнение общества? Как же приличия? – Надежда Ивановна наконец перестала сдерживать свой голос и тот взвился до истеричных ноток, да так, что Катенька даже испугалась, как бы не случилось с госпожой Федорцовой нервного припадка. Глаза ее горели еще ярче, а на бледных щеках появились румяные пятна. – Да что такое приличия, кем они сочинены? Самими же людьми, ханжами, самыми лицемерными лицемерами! Самим ведь хочется, чтоб все дозволено было! Вот и завидуют тем, кто на эти приличия плюет! – выплюнула она последнее слово и замолчала, желая, видимо, насладиться произведенным эффектом и растерянностью Катеньки.

Но эффект если и случился, то обратный – Катенька ничуть не растерялась, потому что каким-то непонятным ей чувством угадала, что все сказанное – прекрасно разыгранный монолог, может, даже отрепетированный, а если так, то припадка страшиться нечего. Это ее успокоило окончательно и, вместо того чтобы поддаться разыгранному действию, она слегка улыбнулась и произнесла тоном спокойным и ровным:

– Что ж, я слышала, что теперь модно разделять этот взгляд. Кажется, это называется эмансипация? – и в свою очередь посмотрела на Надежду Ивановну выжидательно.

– Да, – ответила та, силясь не подать виду, насколько она разочарована. – Если вы придерживаетесь этого же взгляда... – начала было она, но Катенька мягко перебила:

– Полагаю, Надежда Ивановна, не так уж и важно, каких взглядов придерживаюсь я. – Компаньонка вспыхнула. – Если для вас это важно, то извольте: я не собираюсь осуждать чье бы то ни было поведение, а уж тем более взгляды.

– Что ж, это по крайней мере вежливо, – холодно проговорила Федорцова, но по всему ее виду было заметно, что она огорчена.

Катерина Дмитриевна взглянула на небольшие бронзовые часы, стоящие на бюро, и подавила вздох. Получалось, что беседуют они уже около часа, а m-le Федорцова так ничего еще и не сообщила о самой смерти графини. Это начинало раздражать.

– Надежда Ивановна, – обратилась Катенька к визави более официальным тоном, – давайте перейдем к делу. Скажите, что именно натолкнуло вас на мысль о том, что графиню, возможно, отравили?

– Не хотите обсуждать деликатные темы? – Надежда Ивановна посмотрела на Катеньку не без вызова, та, в свою очередь, стала разделять неприязнь Лидии Михайловны к этой особе.

– Не вижу в этом смысла, – пересиливая раздражение, вежливо ответила Катенька.

– И зря, – заявила компаньонка. – Многие так поступают, но это ханжество, самое настоящее. Я же вижу, что вам интересно узнать, что было в этом доме на самом деле, – и Надежда Ивановна, поставив чашку на стол, придвинулась к Катеньке, пристально глядя ей в глаза.

– Тут вы правы, – Катенька выдержала ее взгляд. – Мне действительно интересно узнать, что произошло в этом доме в вечер смерти вашей благодетельницы.

– И только? – Федорцова как-то плотоядно улыбнулась. – А о том, что здесь было раньше? О тех вечерах, когда здесь собирались лучшие мужчины? Ну же, признайтесь, что вам до дрожи хочется послушать хотя бы одну такую историю... – Надежда Ивановна перешла на страстный шепот.

«Сумасшедшая, – подумала про себя Катенька. – Или развратница, Лидия Михайловна права. Чрезвычайно порочная особа». Между тем Надежда Ивановна повела себя еще более странно, она протянула свою тонкую руку и коснулась Катенькиной щеки.

– Какая у вас кожа нежная, – прошептала она, не сводя с Катерины Дмитриевны помутневших огромных глаз. – Вы ведь не такая праведница, милая, как привыкли о себе думать... – и Надежда Ивановна снова хищно улыбнулась.

Катерина Дмитриевна отодвинулась, посмотрела в лицо этой сумасшедшей и поднялась из кресла, понимая, что никакого толкового разговора не выйдет. Бедняжке нужна медицинская помощь, а еще лучше – церковное покаяние. Но разве такая захочет каяться?

– Куда же вы? – воскликнула Федорцова и тоже подскочила со своего стула. – Признайтесь, признайтесь же самой себе, что вы бы тоже не отказались поучаствовать во всем этом... – Катенька смотрела на нее с жалостью. – И у вас есть такой шанс, – приблизившись вплотную прошептала Федорцова почти в самое ухо Катеньке. – Если решитесь, то... – она отстранилась и вдруг совершенно неожиданно расхохоталась звонким, истеричным смехом.

«Боже мой, – в смятении метнулась Катенька к двери, – с ней все же случился припадок!» Карозина выскользнула из будуара и, пробежав по залам, сопровождаемая болезненным смехом несчастной умалишенной, столкнулась с Лидией Михайловной, уже спешащей на выручку своей гостье.

– Что случилось?! Что с вами? – в большом волнении воскликнула Мелихова и боязливо покосилась в сторону, откуда раздавался смех, уже перешедший в рыдания и вопли.

– Со мной ничего! С ней истерика! Нужен доктор! Кажется, она сошла с ума! – в меньшем волнении, задыхаясь, говорила Катенька. – Идемте поможем ей! – Катерина Дмитриевна потянула Мелихову за собой. – Ее нужно привести в чувство!

– Истерика? – Лидия Михайловна неожиданно успокоилась. – Ну и ну... – только и говорила она, остановившись, нисколько не спеша ни за доктором, ни к несчастной.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

– Лидия Михайловна, что с вами? – удивилась Катенька. – Почему вы остановились? Ей же нужна помощь!

– Не волнуйтесь, душечка, – улыбнулась самой спокойной улыбкой Лидия Михайловна. – Ничего страшного. Истерика, вы говорите? Пройдет, она на такие кундштюки мастерица. Вот увидите, стоит нам войти, как все у ней пройдет. Вы лучше вот что мне скажите, удалось вам от нее что-нибудь узнать?

– Ничего, – вздохнув, ответила Катенька.

– Ну, примерно так я и думала. Идемте, полагаю, истерика кончилась, – и теперь уже Лидия Михайловна потянула ее за собой.

– Выходит, вы знали, что все так будет? – все еще недоумевала Катенька, идя обратно к будуару.

– Еще час назад и предположить не могла, – ответила на это загадочной фразой Лидия Михайловна и добавила, поймав встревоженный Катенькин взгляд: – Я вам все расскажу, только вот освободимся от этой мерзавки, – последнее слово было выговорено таким тоном, что Катенька невольно поежилась.

Из будуара не доносилось ни звука, и когда Лидия Михайловна толкнула дверь, не постукав, Катенька испытала нечто вроде шока. Она-то ожидала увидеть несчастную на полу, без сознания, что было бы естественно после такого нервного припадка, а увидела Надежду Ивановну сидящей за столом и преспокойно попивающей чай. На ее бледном лице даже следа слез не было заметно, а ведь прошло каких-то пять минут с тех пор, как она оставила эту особу в совершенно невменяемом состоянии.

– Вон из этого дома, – ледяным тоном произнесла Лидия Михайловна.

Надежда Ивановна поставила чашку на столик, поднялась, держа спину по-прежнему прямо и, не сказав ни слова, только глянув на Катеньку весьма многозначительно, вышла из будуара.

– Убедились, что с ней все в порядке? – с полуулыбкой поинтересовалась Лидия Михайловна.

– Да, но откуда вы... – промолвила потрясенная Катенька.

– Я вам все расскажу, только давайте перейдем в другую комнату, не хочу здесь... – она поморщила носик. – Идемте, душечка, у меня для вас есть более ценный свидетель. К тому же не склонный к театральным эффектам.

Катенька повиновалась. Дамы в обратном порядке миновали залы и поднялись на второй этаж по широкой пологой лестнице, устланной темно-красным ковром.

– Думаю, вам нужно взглянуть на спальню тетки, – проговорила Лидия Михайловна. – Наверное, надо было с этого и начинать, а не тратить попусту время на эту... – она помолчала, как будто проглотила очередной нелестный эпитет в адрес m-le Федорцовой. – Но кто же знал, – и улыбнулась извиняюще. – Вот, – Лидия Михайловна толкнула белую двухстворчатую дверь, – это было здесь.

Катенька шагнула следом за Лидией Михайловной в просторную светлую комнату в два окна с легкими кисейными шторами, отделанную в нежных розовых тонах. Широкая кровать под балдахином, занимающая изрядную площадь, столики и милые безделушки, расставленные тут и там, несколько изящных кресел, большое, занавешенное черным зеркало напротив кровати, на полу пушистый ковер, на стенах – модные японские гравюры со скабрёзными сюжетами. Комната, несмотря на то, что была обставлена роскошно, выглядела в целом весьма безвкусно. Катенька поджала губки.

– Кошмар, не правда ли? – тут же подхватила Лидия Михайловна, с интересом наблюдающая за Катериной Дмитриевной. – Никакого вкуса, никакого стиля. – Катенька согласно кивнула. – Вот, смотрите, – Лидия Михайловна подошла к кровати, – ее нашли здесь.

Катенька не без любопытства приблизилась к алькову. Постель была смята, видимо, ее так и не застлали с той ночи. Покрывало сбилось в сторону, на подушках заметные отпечатки голов... Голов?

– Она ночевала одна? – спросила Катенька.

– Одна? Нет, – вздохнула Лидия Михайловна, проследив за Катенькиным взглядом. – В том-то и дело, Катерина Дмитриевна, что ложилась она, по всей видимости, явно не одна.

– А кто? Кто с ней был?

– Нет, я не в силах этого вам сообщить, это слишком монструозно! – воскликнула Лидия Михайловна. – Бутылка стояла вот здесь, – она показала на низенький прикроватный столик, на котором стоял канделябр с тремя свечами, уже наполовину стгоревшими, хотя в доме везде было проведено новомодное электричество. – «Шато-икем». Я вам говорила, что яд был в вине? – Катенька помотала головой. – Так вот, профессор Штольц проверил содержимое бутылки, она была полна только на треть, и сообщил, что яд был в вине.

– А во сколько наступила смерть? – Катенька покосилась на смятую постель.

– А я вам и этого не говорила? – удивилась Лидия Михайловна. – Извините. Что-то около полуночи.

– А обнаружили?..

– Обнаружили ее утром, после десяти часов. Вот, кстати, если осмотр закончен, тогда пойдете, я вас познакомлю с тем, кто ее и обнаружил, – Лидии Михайловне явно было неприятно присутствовать в этой спальне, впрочем, ей наверняка было неприятно присутствовать вообще в этом доме.

– А где лежала записка? – задала Катенька еще один, как ей казалось, весьма существенный вопрос.

– Да, самое интересное, что записку нашли не здесь, – вымолвила Лидия Михайловна. – Но идемте же, вы все от него узнаете.

Катенька последовала из спальни, подумав про себя, что же еще ей предстоит узнать о кончине графини, и о том, уж не поспешила ли она с обещанием расследовать обстоятельства этой самой кончины. Лидия Михайловна вновь стала спускаться по лестнице.

– Он ждет нас в малой гостиной. Прибыл, когда вы секретничали с этой экзальтированной особой, – говорила она на ходу. – Кстати, я сказала ему, что вы здесь, и не утаила, по какой причине. Это он мне и посоветовал показать вам спальню тетки.

– Но кто он? – Катенька догнала Лидию Михайловну уже внизу.

– Минуту терпения, душечка, – проворковала та и указала на дверь, ведущую, видимо, в малую гостиную.

В этой гостиной царил нежный gris-de-perle, жемчужно-серый цвет, да и обставлена она была с большим вкусом и изяществом. Даже не верилось, что в одном доме могут располагаться столь разные комнаты, как эта малая гостиная и, например, спальня хозяйки. В изящном кресле около столика сидел довольно молодой господин, одетый в серый английский костюм, правый рукав которого выше локтя перетягивала траурная лента. Господин тотчас поднялся со своего места, едва только дамы вошли в комнату.

– Не скучали, Алексей Денисович? – спросила Лидия Михайловна с приятной улыбкой.

– Что вы, Лидия Михайловна, – с не менее приятной улыбкой ответил господин и внимательно, впрочем, не нарушая приличий, посмотрел на Катеньку.

Та, со своей стороны, так же принялась рассматривать Алексея Денисовича. Лет около сорока, росту чуть выше среднего, телосложения худощавого, наружность благообразная и незапоминающаяся совершенно – русые волосы, тщательно напомаженные и разделенные

на прямой пробор, модно подстриженные височки, продолговатый овал лица, высокий лоб, небольшие близко посаженные голубые глаза, тонкий прямой нос, нечеткая форма губ, скошенный подбородок. Взгляду задержаться решительно не на чем. Катерина Дмитриевна подумала, что и вид, и костюм Алексея Денисовича удивительно гармонируют с обстановкой гостиной – такие же приятные и такие же невыразительные.

– Ну, знакомьтесь, – подала голос Лидия Михайловна, выдержав небольшую паузу. – Катерина Дмитриевна, это управляющий теткинскими капиталами, Алексей Денисович Вавилов. А это Катерина Дмитриевна Карозина.

Здесь необходимо заметить, что графиня К., получившая этот титул от мужа, который был старше ее почти вдвое, осталась довольно обеспеченной вдовой восемь лет назад, когда шестидесятилетний князь неудачно отужинал, подавившись рыбьей костью. Несколько прибыльных поместий, акции наиболее крупных торговых предприятий, процентные вклады в цюрихском банке – вот основа графского капитала, не считая старинных ювелирных украшений. Восемь лет назад общая стоимость наследства, полностью оставленного молодой супруге в обход ближайших родственников, приближалась к миллиону рублей. Благодаря же умному распоряжению этими капиталами самой графини, сумма увеличилась втрое.

– Приятно лицезреть супругу такого известного человека, – тут же польстил, причем, довольно неловко, Алексей Денисович, целуя у Катеньки ручку. – Лидия Михайловна сообщила мне, что ваш супруг согласился расследовать это злодейство? – он выразительно поднял глаза к потолку, и Катенька не поняла, то ли он имел в виду спальню графини, то ли подразумевал, что душа ее сейчас на небесах. Подумав, Карозина пришла к выводу, что скорее первое, нежели второе.

– Да, возможно, Никита Сергеевич возьмется за это дело, если только мне, наконец, удастся хоть что-то выяснить, – прохладно заметила она, потому что подхалим Вавилов ей не понравился.

Сначала-то он просто не произвел никакого впечатления, но теперь она твердо решила, что этот человек ей не нравится и ничуть не разделяла восторгов Лидии Михайловны. Катенька была склонна верить ему еще меньше, чем истеричной Федорцовой.

– Надеюсь, что смогу вам помочь, – масляным голосом проворковал Алексей Денисович.

– Присаживайтесь, – предложила Лидия Михайловна, – я распоряжусь подать чаю, – и деликатно покинула комнату.

Катенька села в кресло, Алексей Денисович расположился напротив. Помолчали.

– Катерина Дмитриевна, надеюсь, вы не сочтете меня вульгарным, – заговорил Вавилов, – если в своем рассказе я буду избегать двусмысленностей, и наоборот, буду выражаться предельно точно и ясно. История, видите ли, такова, что мы только потратим кучу времени, если станем объясняться экивоками, – и посмотрел открыто и выжидательно.

Катенька, немного подумав, согласно кивнула, решив про себя, что, пожалуй, поспешила с оценкой Вавилова. Его тон и его слова выдавали сейчас человека прямого и честного.

– Я уже не гимназистка, Алексей Денисович, – подтвердила она свой кивок, – авось в обморок не упаду.

– Вот и прекрасно, – мягко улыбнулся Вавилов. – Постараюсь говорить исключительно по существу, чтобы, во-первых, не занимать ваше да и свое время, а во-вторых, чтобы не оставалось никаких сомнений. Довольно уж и так слухов всяких, – поморщился он. – Но я ничего не стану о них говорить. Я служу в этом доме уже пять лет и многое знаю, но предпочитаю не распространяться об этом, хотя бы из уважения к Наталье Ильинишне. Не собираюсь и осуждать ее образа жизни, мне не за то платят... Платили, – поправил он сам себя. – Впрочем, довольно, перейдем к делу. Месяц назад у графини появился новый поклонник. Довольно молодой человек довольно интересной наружности. Лет около тридцати, брюнет, изящный, – Алексей Денисович прищурился. – Особые приметы? Тонкие усики, нафиксатуаренные и подкрученные.

Хотя, усы это не примета... М-м-м... Словом, вполне благовоспитанный на вид. Наталья Ильинишна к нему очень привязалась, так, что даже просила меня составить на его имя доверенность, – он поджал губы и склонил голову набок. – Доверенность в отношении ее капиталов. На имя Николая Карловича Штайница. Думаю, – как бы в скобках заметил он, – это не настоящее его имя. Доверенность мы с Абрамом Иосифовичем, ее нотариусом, составили. Хозяйский приказ и все такое. Но хочу указать вам на одну деталь – случилось это десятого числа сего месяца.

– За пять дней до ее смерти? – уточнила Катенька, слушавшая очень внимательно толкового управляющего.

– Да, Катерина Дмитриевна, – подтвердил он все с той же мягкой улыбкой. – Более того, Наталья Ильинишна эту доверенность подписала. Она хотела, чтобы он получил право распоряжаться ее деньгами.

– Но зачем ей это было нужно, как вы думаете?

– Мое мнение, Катерина Дмитриевна, таково, что этот молодой человек имел на Наталью Ильинишну очень большое влияние, – многозначительно проговорил Вавилов.

– Шантаж? – уточнила Катенька.

– Этого я вам с полной уверенностью сказать не могу, но графиня последнее время была мало похожа на себя, прежнюю, я имею в виду. Спросите, в чем это проявлялось? – Катенька кивнула. – Знаете, – вздохнул Вавилов, – Наталья Ильинишна всегда была женщиной довольно живого характера. Любила компании, шутки, это вам любой подтвердит, кто знал ее ближе. В делах была весьма осмотрительна и умна. А тут почти перестала у себя принимать, проводила много времени только с двумя людьми – компаньонкой... Вы ее видели, и как вам она? – поинтересовался Вавилов не без любопытства.

– Я потрясена, – только и сказала на это Катенька.

– Да, меня эта особа тоже всегда фраппировала, – усмехнулся Алексей Денисович. – Вторым человеком был этот самый Штайниц. Французы сказали бы, что это любовный треугольник, – вздохнул Вавилов и покачал головой.

– Значит, это они были в графской спальне в ту ночь? – Катенька была в очередной раз потрясена.

– Да, Катерина Дмитриевна, – Вавилов выразительно поджал губы.

– Тогда, если все так, – немного растерянно заговорила Катенька, – ее отравил, должно быть, этот самый Штайниц.

– Или мамзель Федорцова, – произнес Вавилов. – Что тоже вполне вероятно.

Катенька было задумалась, но Алексей Денисович еще не окончил свой рассказ.

– Это вполне вероятно, но я узнал от слуг, что в тот вечер все трое, как обычно, сначала заперлись в спальне. Это было в девять часов вечера. Но около одиннадцати из графской спальни раздались недовольные крики, а затем Федорцова и Штайниц поехали в «Яр», это слышала Мария, горничная графини. Говорили что-то, – Алексей Денисович снова прищурился, припоминая, – что, мол, Наталье Ильинишне нужно успокоиться и побыть одной, – пояснил он. – Около полуночи Наталье Ильинишне принесли бутылку «шато-икему» и какую-то записку. Записки этой никто после не видел. Наталья Ильинишна приняла бутылку вина, велела принести бокал и закрылась у себя в спальне. Федорцова вернулась часа в три ночи, постучалась к графине, когда та не открыла, пошла к себе. Штайниц более в доме не появлялся.

– А что же с той запиской, которую написала графиня? – поинтересовалась Катенька.

– Ее нашли в будуаре на следующее утро. Я и нашел. Я пришел как обычно, к десяти, для доклада, прошел в будуар и велел доложить о своем прибытии. Записка лежала на бюро. Одна только фраза, даже не с заглавной буквы: «расследование не учинять». К графине стали стучаться, она не открыла, компаньонка подняла слуг и заставила отпереть дверь вторыми ключами. Графиня была мертва, как вы знаете, наверное, уже около десяти часов.

– Так что же, получается, что графиня выходила из спальни?

– В том-то и дело, Катерина Дмитриевна, что никто из слуг графиню не видел.

– Хорошо, – согласилась Катенька и спросила Алексея Денисовича вот о чем, но уже обращаясь к нему не как к свидетелю, а спрашивая его совета: – Если m-le Федорцова причастна к трагедии, ее, быть может, не следовало отпустить?

– Не факт, – откинулся в кресле Вавилов, – совсем не факт, Катерина Дмитриевна. Я склонен предполагать, что Федорцова к отравлению отношения не имеет, несмотря на то, что я первый же это предположил, – тут же поправился он. – Федорцова была до фанатичности предана Наталье Ильинишне, за это я вам могу головой поручиться. Скорее уж кто во всем этом виновен, так этот тот самый Штайниц. Кстати, а вам не кажется, что ему-то как раз и было бы удобнее всего, чтобы все подозрения пали на Федорцову?

– Возможно, вы правы, – согласилась Катерина Дмитриевна, полностью уже признавая авторитет Вавилова и, быть может, совершая еще одну ошибку. – Он исчез в ночь убийства, – продолжила рассуждения Катенька, – перед этим выманив у графини доверенность. А что завещание Натальи Ильинишны? – тут же поинтересовалась она. – Ведь оно-то, наверное, аннулирует эту доверенность?

– Чего не знаю, того не знаю, – развел руками Вавилов. – Знаю только, что завещание Наталья Ильинишна составила год назад, Абрам Иосифович же и помогал. Но думаю, это очень скоро выяснится, – и он снова мягко улыбнулся. – Пока же мы ничего не можем поделать.

– Когда же вскроют завещание?

– Думаю, что после всего, что я рассказал Лидии Михайловне, в самом ближайшем будущем. Справедливо предположить, что на правах единственной родственницы Лидия Михайловна заинтересована в том, чтобы капитал не перешел в чужие руки.

– Здесь много странного, – проговорила Катенька, согласно покивав Вавилову. – Записки... Кстати, а что та, найденная вами записка? Точно ли ее графиня писала?

– Не могу с точностью утверждать, но поскольку я знал почерк Натальи Ильинишны очень хорошо, то лично у меня эта записка не вызвала никаких сомнений.

– Интересно, кто этот Штайниц? – задумчиво произнесла Катенька.

– На этот вопрос, – тут же нашелся с ответом Вавилов, – могла бы ответить Федорцова.

– Да, кстати, – у Катеньки блеснули глазки, – а вы не знаете, где она сейчас проживает?

– Ну-у-у... – протянул Вавилов, у которого тоже заблестели глазки. – Дело в том, что я встретил ее вчера, совершенно случайно. Это когда Лидия Михайловна ей от места отказала. Так вот, Надежда Ивановна сообщила мне, что пока остановится в «Англии».

– В «Англии», – повторила Катенька задумчиво. – А что, верно Надежда Ивановна тоже рассчитывает на это завещание?

– Вполне может быть, – улыбнулся Вавилов.

– Спасибо вам, Алексей Денисович, за помощь, – спохватываясь, поблагодарила Катенька.

– Да что вы, – смутился управляющий, – какие тут благодарности!

– Не скромничайте, – не уступала Катенька. – Вы помогли своим рассказом. Однако где же Лидия Михайловна?

Стоило ей только произнести последнюю фразу, как дверь в гостиную распахнулась и на пороге появилась Лидия Михайловна, будто она только и ждала этой самой фразы.

– Простите, что так задержалась, – извиняюще заулыбалась она, внимательно оглядывая гостей. – Пришлось дать кое-какие распоряжения. Ну, что у вас?

– Благодаря Алексею Денисовичу, – ответила Катенька, – мне будет что рассказать супругу.

– Ну что ж, я рада, – вздохнула Лидия Михайловна. – Завтра погребение, – по ее лицу пробежала тучка. – Катерина Дмитриевна, я даже не знаю, во сколько освобожусь, если что-то понадобится...

– Ничего, не волнуйтесь, занимайтесь своими делами совершенно спокойно, – поспешила заверить Катенька, – моему супругу тоже будет чем заняться.

– Ну и хорошо, – Лидия Михайловна снова вздохнула, но уже с видимым облегчением. – Да, а ведь послезавтра вскроют завещание.

– Могу ли я, – Катенька тотчас объяснилась: – могу ли я присутствовать в том случае, если Никита Сергеевич не сможет?

– Ах, ну конечно же! – воскликнула Лидия Михайловна. – Я и сама хотела вас об этом просить.

– В таком случае, попрощаемся до понедельника, до... Во сколько, вы говорите, прибудет нотариус?

– В полдень. Это будет у нас, на Пречистенке, приезжайте туда.

– Благодарю, – снова улыбнулась Катенька. – А теперь, Лидия Михайловна, Алексей Денисович... Мне пора.

– А как же чай? – удивилась Мелихова. – Я велела подавать.

– Нет, нет, уж и так много времени, – Катенька посмотрела на большие настенные часы в затейливой деревянной раме, украшенной цветочками и завитушками. Часы показывали начало третьего пополудни. – Простите, но мне пора.

– Хорошо, – согласилась Лидия Михайловна, – задерживать я вас не смею. Возьмите мой экипаж, вы ведь, кажется, на извозчике приехали?

– Спасибо, – Катерина Дмитриевна поднялась из кресла, Вавилов поцеловал ей ручку и выразил надежду на то, что они еще увидятся.

Мелихова проводила Катеньку до передней, но ничего не стала ни расспрашивать, ни говорить. Катенька оделась и, сев в крытый мелиховский возок, поехала по направлению к Москве. День с самого утра выдался пасмурный, а оттого и темнеть стало раньше, да к тому же пошел некрупный, но обильный снег. Катенька отодвинула занавеску на окне и смотрела на снегопад.

Когда возок поравнялся с «Яром», Катенька подумала, что, конечно, хорошо бы проверить, действительно ли здесь были Федорцова и неизвестный пока Штайниц, и если здесь, то во сколько они сюда приехали? По словам Вавилова выходило, что из дома они вышли около одиннадцати, в любом случае к полуночи должны были быть здесь. Заезжали ли они куда-нибудь по дороге? Впрочем, приличным дамам в «Яре» не следовало появляться, более того, это был негласный запрет, который нарушить могли только такие отчаянные особы женского пола, как m-le Федорцова. Вообще же, обо всем, что сегодня Катенька так или иначе узнала, следовало крепко поразмыслить. Чего, например, стоила бутылка вина? Откуда в ней яд? А откуда сама бутылка? Можно ли установить, из какого она магазина? Катенька вздохнула и откинулась на спинку сиденья.

«Рассказывать ли Никите?» – вот вопрос, который, по чести сказать, мучил ее более прочих. То, что муж так решительно настроен против какого бы то ни было участия в расследованиях, Катеньку очень тревожило. Супружеская размолвка могла перерасти в настоящую ссору, это она чувствовала, и этого ей не хотелось. Ну и как быть? Признаться ему сейчас во всем означало бы только новую вспышку с его стороны, а молчать... Молчать тоже верной и преданной супруге не годилось. Не зная, как поступить, Катенька решила что пойдет завтра же на исповедь, где и посоветуется со священником.

Что же до Никиты Сергеевича, так надолго оставленного нашим вниманием и покинутого в самом разгаре лекций, то и он, со своей стороны, тоже очень мучился сложившейся ситуацией. Однако, в отличие от супруги, он вовсе не считал себя виноватой стороной, даже и

наоборот, был уверен, что он прав, что жене нечего заниматься какими бы то ни было расследованиями, об этом Катерина Дмитриевна и сама знала. Однако нужно было как-то поправить ситуацию и Карозин придумал вот что – в уходящем году открылась в Москве телефонная станция, принадлежащая обществу телефонов Белла, и Никита Сергеевич, очень чуткий к прогрессу, даже узнал, что для частных лиц абонентная плата составляет двести пятьдесят два рубля в год.

Давно уже он подумывал над тем, чтобы провести телефон в свой дом, а теперь, после вчерашней Катенькиной задержки, решился. Возможно, Никита Сергеевич ревновал свою молодую и весьма привлекательную супругу – но в этом он ни за что не сознался бы и самому себе. В любом случае, думал Карозин по дороге на станцию, при современном ритме жизни телефон уже становится необходимостью. В самом деле, куда как удобно – снял рожок, покрутил ручку и невидимая барышня тотчас соединит тебя с домом, где ты и узнаешь, что жена никуда не выходила, или что она наоборот...

Карозин нахмурился, такой поворот мыслей ему не понравился, однако своего решения он не отменил, да и поздно было уже – сани остановились у освещенного электричеством здания, вывеска на котором гласила, что здесь-то и можно заказать и оплатить модное чудо техники.

Ежели продолжить разговор о моде, то Катерина Дмитриевна в это же самое время, подъезжая уже к своему дому, думала еще об одном новшестве, еще только начинавшем основательно приживаться в Первопрестольной – о Рождественской ели. Она в прошлом году была на Рождество у Сабашниковых, которые уже переняли эту моду, и елка, украшенная серебряными и золочеными орехами, свечами и прочей мишурой ей очень понравилась. Пока Никита Сергеевич размышлял над тем, стоит ли телефонизировать свой дом, Катерина Дмитриевна представляла, как в этом году закажет ель и как она ее украсит.

Настроение от таких фантазий заметно улучшилось, и, выйдя из возка и отпустив мелиховского кучера, Катенька легко взбежала на невысокое крыльцо, решив завтра же насчет ели распорядиться.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

На этот раз задержался Никита Сергеевич, однако, когда он прибыл наконец домой, предвкушая, как сообщит Катеньке о том, что буквально через несколько дней появится и у них модное чудо техники, выяснилось, что Катенька дома не одна, в гостях у нее Анна Антоновна Васильева. Об этом лакей сообщил хозяину еще у самых дверей, причем с самым недовольным видом – слуги не поощряли занятия Катенькиной родственницы разными магическими учениями. А уж о том, что у Анны Антоновны есть такое увлечение, знала вся Москва, и в первую очередь слуги.

Не скажем точно, когда у Анны Антоновны появился столь странный интерес, но люди просвещенные подобные занятия спиритизмом и прочей чертовщиной отчего-то не осуждали, а даже и наоборот – не прочь были и сами позаигрывать с нечистой. Это стало даже будто в моде, навряд ли увлечения разными чудесами быстро развивающегося прогресса, да хоть вот того же телефона. Что же до Никиты Сергеевича, то он хоть и причислял себя к людям просвещенным, и надо сказать, вполне заслуженно, однако ко вдове Васильевой, а именно так он ее и называл за глаза, относился с тем же неприятием, как и его слуги, о чем свидетельствовали хмуро сдвинутые к переносице брови Никиты Сергеевича при известии о том, что эта особа сейчас в гостинной с его Катенькой.

Впрочем, вдова так же не была в восторге от Никиты Сергеевича, более того – она прекрасно знала о его чувствах к ней, но поскольку они оба просто-таки обожали Катеньку, то и избегали открытых конфронтаций. До сего момента.

– И о чем это они там шушукаются? – недовольно проворчал Карозин себе под нос, употребив презрительное «шушукаются» только из-за неприязни к Анне Антоновне. И даже не хотел к ним идти. Но пришлось, победило чувство гостеприимства, да еще и желание это «шушуканье» нарушить.

Пока же Никита Сергеевич идет в гостиную, скажем, что в прошлом расследовании Анна Антоновна во многом Катеньке помогла, однако на этот раз хозяйка литературного салона была приглашена отнюдь не для консультации по магии. Как было уже вскользь отмечено, Анна Антоновна принимала у себя по четвергам самую разнообразную публику, оттого и была в курсе самых разнообразных слухов, ходивших по Первопрестольной. Катенька еще нынче утром просила ее в записке приехать к обеду, намереваясь кое-что узнать у родственницы о смерти графини К. Впрочем, этому своему намерению Катенька не изменила и даже наоборот – теперь, после всего, что она узнала от Вавилова, ей еще сильнее захотелось пообщаться с Анной Антоновной.

Дамы расположились в креслах. Едва Карозин вошел в комнату, обе они замолчали, но этому молчанию явно предшествовала оживленная беседа. Карозин насупился и посмотрел на вдову. Госпожа Васильева, одетая в очаровательное муаровое платье нестерпимо яркого цвета, сшитого по последней парижской моде, вся в бантиках и рюшечках, с высокой прической, благоухающая и поддурманенная чуть ли не через меру, показалась ему неприятной. Впрочем, она всегда ему такой казалась. Карозин еле сдержался, чтобы не поморщиться от всего этого великолепия, но заставил себя улыбнуться и проговорил с самым любезным видом:

– Анна Антоновна, вот и вы... Как всегда красивая и как всегда нарядная.

Катенька метнула на него испепеляющий взгляд, как бы говоря: «Ну, Никита, это уж чересчур!» Карозин же, вдруг озлившись на жену, только воинственно выставил вперед подбородок.

– Ах, Никита Сергеевич, – театрально воскликнула вдова, усмотрев в его словах насмешку, и не удержалась от ответной реплики, произнесенной, впрочем, так же самым

любезным тоном: – Отчего это всегда, как вы появляетесь, исчезает атмосфера... abandon... или как это по-русски? Да-да, непринужденности?

– О чем это вы? – прищурился Карозин на вдову.

– Катенька, ты уж извини, голубка, – не обращая внимания на Никиту Сергеевича зашебетала Анна Антоновна, – но мне пора.

– А как же обед? – пролепетала расстроенная сценой Катенька.

– Ничего, ничего, голубка, – ласково проворковала Анна Антоновна и, поднявшись из кресла, потрепала Катеньку по нежной щечке. Карозин все-таки поморщился при виде этого жеста. – Как-нибудь в другой раз. Не провожай, – добавила она в ответ на Катенькино движение. И, метнув на Никиту Сергеевича насмешливый взгляд, с достоинством вышла из комнаты.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.